

**ЧЕХОВСКАЯ
БИБЛИОТЕКА**

О ЧЕХОВЕ

**■ ■ СБОРНИКЪ ■ ■
ВОСПОМИНАНИЙ**

Arizona

Texas

Москва, 1910.

Т-во „Печатня С. П. Яковлева“, Петровка, Салтыковскій пер., домъ Т-ва, № 9.

А. П. Чеховъ въ разные годы своей жизни.

А. П. и И. А. Бунинъ. Снято въ декабрѣ 1903 г.
въ Москвѣ въ кабинетѣ А. П.

А. П. Чеховъ.

Я познакомился съ нимъ въ Москвѣ, въ концѣ девяносто пятаго года. Видались мы тогда мелькомъ, и я не упомянулъ бы объ этомъ, если бы мнѣ не запомнилось нѣсколько очень характерныхъ фразъ его.

— Вы много пишете?—спросилъ онъ меня однажды. Я отвѣтилъ, что мало.

— Напрасно, — почти угрюмо сказалъ онъ своимъ низкимъ груднымъ баритономъ.—Нужно, знаете, работать... Не покладая рукъ... всю жизнь.

И, помолчавъ, безъ видимой связи прибавилъ:

— По-моему, написавъ рассказъ, слѣдуетъ вычеркивать его начало и конецъ. Тутъ мы, беллетристы, больше

всего время... И короче, какъ можно короче надо говорить.

Потомъ заговорили мы о стихахъ, и онъ вдругъ оживился:

— Послушайте, а стихи Алексѣя Толстого вы любите? Вотъ, по-моему, актеръ! Какъ надѣлъ въ молодости оперный костюмъ, такъ на всю жизнь и остался.

Послѣ такихъ мимолетныхъ встрѣчъ и случайныхъ разговоровъ, въ которыхъ были затронуты любимыя темы Чехова—о томъ, что надо работать «не покладая рукъ» и быть въ работѣ до аскетизма правдивымъ и простымъ,—мы не видѣлись до весны девяносто девятаго года. Я приѣхалъ на нѣсколько дней въ Ялту и однажды вечеромъ встрѣтилъ Чехова на набережной.

— Почему вы не заходите ко мнѣ?—было его первыми словами.—Непремѣнно приходите завтра.

— Когда?—спросилъ я.

— Утромъ, часу въ восьмомъ.

И, вѣроятно, замѣтивъ на моемъ лицѣ удивленіе, онъ пояснилъ:

— Мы встаемъ рано. А вы?

— Я тоже,—сказалъ я.

— Ну, такъ вотъ и приходите, какъ встанете. Будемъ пить кофе. Вы пьете кофе?

— Изрѣдка пью.

— Пейте каждый день. Чудесная вещь. Я, когда работаю, ограничиваюсь до вечера только кофе и бульономъ. Утромъ—кофе, въ полдень—бульонъ. А то плохо работается.

Я поблагодарилъ за приглашеніе, и мы молча прошли всю набережную и сѣли въ скверѣ на скамью.

— Любите вы море?—сказалъ я.

— Да,—отвѣтилъ онъ.—Только ужъ очень оно пустынно.

— Это-то и хорошо,—сказалъ я.

— Не знаю,—отвѣтилъ онъ, глядя куда-то вдаль сквозь стекла пенснэ и, очевидно, думая о чемъ-то своемъ.—По-моему, хорошо быть офицеромъ, молодымъ

студентомъ... Сидѣть гдѣ-нибудь въ людномъ мѣстѣ, слушать веселую музыку...

И, по своей манерѣ, помолчалъ и безъ видимой связи прибавилъ:

— Очень трудно описывать море. Знаете, какое описаніе моря читалъ я недавно въ одной ученической тетраджѣ? «Море было большое». И только. По-моему, чудесно!

Можетъ быть, это покажется кому-нибудь манерностью? Но—Чеховъ и манерность!

«Скажу прямо,—говоритъ одинъ изъ хорошо знавшихъ Чехова,—я встрѣчалъ людей не менѣ искреннихъ, чѣмъ Чеховъ, но людей до такой степени простыхъ, чуждыхъ всякой фразы и аффектировки, я не помню».

И это святая правда. Онъ горячо любилъ все искренное, жизненное, органическое, — если только оно не было грубо и косо,—и положительно не выносилъ фразеровъ, книжниковъ и фариисеевъ, особенно тѣхъ изъ нихъ, которые настолько вошли въ свои роли, что роли стали ихъ вторыми натурами. Въ своихъ работахъ онъ почти никогда не говорилъ о себѣ, о своихъ вкусахъ, о своихъ взглядахъ, что и повело, кстати сказать, къ тому, что его долго считали человекомъ безпринципнымъ, необщественнымъ... Въ жизни онъ также никогда не носился со своимъ «я», очень рѣдко говорилъ о своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ. Но симпатіи и антипатіи его были чрезвычайно устойчивы и опредѣленны, и среди его симпатій одно изъ первыхъ мѣстъ занимала именно естественность. «Море было большое»... Ему, съ его постоянной жаждой наивысшей простоты, съ его отвращеніемъ ко всему вычурному, напряженному, казалось это «чудеснымъ». А въ его словахъ объ офицерѣ и музыкѣ сказалась другая его особенность: сдержанность. Неожиданный переходъ отъ моря къ офицеру былъ, несомнѣнно, вызванъ его затаенной грустью о молодости, о здоровьѣ. Море пустынно... А онъ любилъ жизнь, радость, и за послѣдніе годы эта

жажда радости, хотя бы самой простой, самой обыденной, особенно часто сказывалась въ его разговорѣ. Но именно только *сказывалась*.

Мальчикомъ Чеховъ былъ, по словамъ его школьнаго товарища Сергѣенко, «вялымъ увальнемъ съ лунообразнымъ лицомъ». Я, судя по портретамъ и по рассказамъ родныхъ Чехова, представляю его себѣ иначе. Слово «увалень» совсѣмъ не подходитъ къ хорошо сложенному, выше средняго роста мальчику. И лицо у него было не «лунообразное», а просто—большое, очень умное и очень спокойное лицо. Вотъ это-то спокойствіе и дало, вѣроятно, поводъ считать мальчика Чехова «увальнемъ»,—спокойствіе, а отнюдь не вялость, которой у Чехова никогда не было—даже въ послѣдніе годы. Но и спокойствіе это было, мнѣ кажется, особенное,—спокойствіе мальчика, въ которомъ зрѣли большія, свѣжія силы, рѣдкая наблюдательность и рѣдкій юморъ. Да и какъ, въ противномъ случаѣ, согласовать слова Сергѣенко съ рассказами матери и братьевъ Чехова о томъ, что въ дѣтствѣ «Антоша» былъ неистощимъ на выдумки, которыя заставляли хохотать до слезъ даже суроваго въ ту пору Павла Егоровича! Въ юности,—въ тѣ счастливые дни, когда ему доставляло наслажденіе проектировать такіа произведенія, какъ «Искусственное разведеніе ежей,—руководство для сельскихъ хозяевъ»,—это спокойствіе какъ бы потонуло въ пышномъ расцвѣтѣ прирожденной Чехову жизнерадостности: всѣ, кто знали его въ эту пору, говорятъ о неотразимомъ очарованіи его веселости, красоты его открытаго, простаго, но ярко одухотвореннаго лица и его лучистыхъ глазъ... Но годы шли, духъ и мысль становились все глубже и прозорливѣе—и Чеховъ снова овладѣлъ собою. Это было время, когда онъ, смѣло отдавъ дань молодости, первымъ непосредственнымъ проявленіемъ своей богатой натуры, уже приступилъ къ суровому въ своей художественной неподкупности изображенію дѣйствительности. И мои первыя встрѣчи съ нимъ относятся именно къ этому времени.

Въ Москвѣ, въ девяносто пятомъ году, я увидѣлъ человѣка среднихъ лѣтъ, въ пенснѣ, одѣтаго просто и пріятно, довольно высокаго, очень стройнаго и очень легкаго въ движеніяхъ. Встрѣтилъ онъ меня привѣтливо, но такъ просто, что я,—тогда еще юноша, не привыкшій къ такому тону при первыхъ встрѣчахъ,—принялъ эту простоту за холодность... Въ Ялтѣ я нашелъ его уже сильно измѣнившимся: онъ похудѣлъ, потемнѣлъ въ лицѣ; во всемъ его обликѣ попрежнему сквозило присущее ему изящество,—однако, это было изящество уже не молодого, а много пережившаго и еще болѣе облагороженнаго пережитымъ человѣка. И голосъ его звучалъ уже мягче... Но, въ общемъ, онъ былъ почти тотъ же, что и въ Москвѣ: привѣтливъ, говорилъ довольно оживленно, но еще болѣе просто и кратко, и во время разговора все думалъ о чемъ-то своемъ, представляя собесѣднику самому улавливать переходы въ скрытомъ теченіи своихъ мыслей, и все глядѣлъ на море сквозь стекла пенснѣ, слегка приподнявъ лицо... На другое утро, послѣ встрѣчи на набережной, я поѣхалъ къ нему на дачу. Ясно помню это веселое, солнечное утро, которое мы провели съ Чеховымъ въ его садикѣ. Онъ былъ очень оживленъ, много шутилъ и, между прочимъ, прочиталъ мнѣ единственное, какъ онъ говорилъ, стихотвореніе, написанное имъ: «Зайцы и китайцы, басня для дѣтей». И съ тѣхъ поръ я началъ бывать у него все чаще и чаще, а потомъ сталъ и совсѣмъ своимъ человѣкомъ въ его домѣ. Сообразно съ этимъ, конечно, измѣнилось и отношеніе ко мнѣ Чехова. Оно стало оживленнѣе, сердечнѣе... Но сдержанность осталась; и проявлялась она не только въ обращеніи со мной, но и съ людьми самыми близкими ему, и означала она, какъ я убѣдился потомъ, не равнодушіе а нѣчто гораздо болѣе...

Бѣлая каменная дача въ Ауткѣ, такая красивая и стройная подъ яркимъ, южнымъ солнцемъ и синимъ небомъ; ея маленькій садикъ, который съ такой заботливостью разводилъ Чеховъ, всегда любившій цвѣты, де-

ревья и животныхъ; его кабинетъ, украшеніемъ котораго служили только двѣ-три картины Левитана да огромное полукруглое окно, открывавшее видъ на утопавшую въ садахъ долину рѣки Учань-Су и синій треугольникъ моря; тѣ часы, дни, иногда даже мѣсяцы, которые я проводилъ на этой дачѣ, и то сознаніе близости къ человѣку, который плѣнялъ меня не только своимъ умомъ и талантомъ, но даже своимъ суровымъ голосомъ и своей дѣтской улыбкой—останутся навсегда однимъ изъ самыхъ лучшихъ воспоминаній моей жизни. Былъ и онъ настроенъ ко мнѣ дружески, иногда почти нѣжно. Но та сдержанность, о которой я упомянулъ, не покидала его даже въ самыя задушевные минуты нашихъ разговоровъ. И она была во всемъ.

Онъ былъ великій юмористъ, любилъ смѣхъ, но смѣялся своимъ милымъ, заразительнымъ смѣхомъ только тогда, когда кто-нибудь другой рассказывалъ что-нибудь смѣшное; самъ онъ говорилъ самыя смѣшныя вещи безъ малѣйшей улыбки. Онъ очень любилъ шутки, нелѣпыя прозвища, мистификаціи... Даже въ послѣдніе годы, какъ только ему хоть ненадолго становилось лучше, онъ былъ неистощимъ на нихъ; но какимъ тонкимъ комизмомъ вызывалъ онъ неудержимый смѣхъ! Бросить два-три слова, лукаво блеснетъ глазомъ поверхъ пенснэ... А его письма! Сколько милыхъ шутокъ было въ нихъ всегда, при ихъ совершенно спокойной формѣ!

«Милый Иванъ Алексѣевичъ, стало быть, позвольте на Страстной ждать Васъ. Непремѣнно, обязательно приѣзжайте, у насъ будетъ очень много закусокъ, къ тому же въ Ялтѣ такая теплынь теперь, столько цвѣтовъ! Приѣзжайте, сдѣлайте такую милость! Жениться я раздумалъ, не желаю, но все же, если Вамъ покажется скучно, то я, такъ и быть ужъ, пожалуй, женюсь... Желаю Вамъ всего хорошаго-сѣ, будьте здоровы-сѣ. Вашъ А. Чеховъ, аутскій мѣщанинъ».

Но сдержанность Чехова сказывалась и во многомъ другомъ, болѣе важномъ, свидѣтельствующемъ о рѣдкой

силѣ его природы. Кто, напримѣръ, слышалъ отъ него жалобы? А причинъ для жалобъ было много. Онъ началъ работать въ большой семьѣ, терпѣвшей въ пору его молодости прямо-таки нужду, и работалъ мало того, что за гроши, но еще и въ обстановкѣ, способной угасить самое пылкое вдохновеніе: въ маленькой квартиркѣ, среди говора и шума, часто на краешкѣ стола, вокругъ котораго сидѣла не только вся семья, но еще нѣсколько человѣкъ гостей-студентовъ. Онъ долго нуждался и потомъ... Но какъ рѣдко сѣтовалъ онъ на судьбу! И это вытекало не изъ ограниченности его потребностей: будучи на рѣдкость благородно-скромнымъ въ своемъ образѣ жизни, онъ въ то же время прямо-таки ненавидѣлъ сѣрую, скудную жизнь. Онъ пятнадцать лѣтъ былъ боленъ изнурительной болѣзью, которая неуклонно вела его къ смерти; но зналъ ли это читатель, — русскій читатель, который слышалъ столько горькихъ писательскихъ воплей? И поистинѣ было изумительно то мужество, съ которымъ болѣлъ и умеръ Чеховъ! Даже въ дни его самыхъ тяжелыхъ страданій часто никто не подозрѣвалъ о нихъ.

— Тебѣ нездоровится, Антоша?—спросить его мать или сестра, видя, что онъ весь день сидитъ въ креслѣ съ закрытыми глазами.

— Мнѣ?—спокойно отвѣтитъ онъ, открывая глаза, такія ясные и кроткіе безъ пенсенэ.—Нѣтъ, ничего. Голова болитъ немного.

Онъ горячо любилъ литературу, и говорить о писателяхъ, восхищаться Мопассаномъ, Флоберомъ или Толстымъ,—было для него наслажденіемъ. Особенно часто онъ съ восторгомъ говорилъ именно о нихъ да еще о «Тамани» Лермонтова.

— Не могу понять,—говорилъ онъ,—какъ могъ онъ, будучи почти мальчикомъ, сдѣлать это! Вотъ бы написать такую вещь да еще водевиль хорошій, тогда бы и умереть можно!

Но его разговоры о литературѣ были совсѣмъ не похожи на тѣ обычные профессиональные разговоры, ко-

которые такъ непріятны своею кружковой узостью, мелочностью своихъ чисто практическихъ и чаще всего—личныхъ интересовъ. Разговоры о литературѣ Чеховъ заводилъ только тогда, когда зналъ, что его собесѣдникъ любитъ въ литературѣ прежде всего искусство, безкорыстное и свободное.

— Никому не слѣдуетъ читать своихъ вещей до напечатанія,—говорилъ онъ нерѣдко.—А главное, никогда не слѣдуетъ слушать ничьихъ совѣтовъ. Ошибся, совралъ—пусть и ошибка будетъ принадлежать только тебѣ. Послѣ тѣхъ высокихъ требованій, которыя поставилъ своимъ мастерствомъ Мопассанъ, трудно работать, но работать все же надо, особенно намъ, русскимъ, и въ работѣ надо быть смѣлымъ. Есть большія собаки и есть маленькія собаки, но маленькія не должны смущаться существованіемъ большихъ: всѣ обязаны лаять—и лаять тѣмъ голосомъ, какой Господь Богъ далъ.

Все, что совершалось въ литературномъ мірѣ, было очень близко его сердцу, и много волненій пережилъ онъ среди той глупости, лжи, манерности и фокусничества, которыя столь пышно цвѣтутъ теперь въ литературѣ. Но никогда не замѣчалъ я въ его волненіяхъ мелочной раздражительности, и никогда не примѣшивалъ онъ къ нимъ личныхъ чувствъ. Почти про всѣхъ умершихъ писателей говорятъ, что они радовались чужому успѣху, что они были чужды самолюбія, и поэтому, если бы у меня была хоть тѣнь сомнѣнія относительно писательскаго самолюбія Чехова, я совсѣмъ не затронулъ бы вопроса о самолюбіяхъ. Но онъ дѣйствительно радовался отъ всего сердца всякому таланту, и не могъ не радоваться: слово «бездарность» было, кажется, наивысшей бранью въ его устахъ. Къ своимъ же успѣхамъ и неуспѣхамъ онъ относился такъ, какъ могъ относиться только онъ одинъ.

Онъ работалъ почти 25 лѣтъ, и сколько плоскихъ и грубыхъ упрековъ выслушалъ онъ за это время! Одинъ изъ самыхъ величайшихъ и деликатнѣйшихъ русскихъ поэтовъ, онъ никогда не говорилъ языкомъ проповѣд-

ника. А можно ли при этомъ разсчитывать на пониманіе и благосклонность критики въ Россіи? Вѣдь требовали же отъ Левитана, чтобы онъ «оживилъ» пейзажъ... подрисовалъ коровку, гусей или женскую фигурку! И, конечно, не сладко было Чехову имѣть такихъ критиковъ, и много горечи они влили въ его душу, и безъ того отравленную русской жизнью. И горечь эта сказывалась, но опять-таки только *сказывалась*.

— Да, Антонъ Павловичъ, вотъ скоро и юбилей вашъ будемъ праздновать!

— Знаю-съ я эти юбилеи. Бранять человекъ двадцать пять лѣтъ на всѣ корки, а потомъ дарятъ ему гусиное перо изъ алюминія и цѣлый день несутъ надъ нимъ, со слезами и поцѣлуями, восторженную ахинею!

И чаще всего на разговоры о его славѣ и о томъ, что о немъ пишутъ, онъ отвѣчалъ именно такъ—двумя-тремя словами или шуткой.

— Читали, Антонъ Павловичъ?—скажешь ему, увидавъ гдѣ-нибудь статью о немъ.

А онъ только покосится поперхъ пенснэ и, комично вытянувъ лицо, отвѣтитъ своимъ груднымъ басомъ:

— Покорно васъ благодарю! Напишутъ о комъ-нибудь тысячу строкъ, а внизу прибавятъ: «а то вотъ еще есть писатель Чеховъ: нытикъ».

И только иногда прибавитъ серьезно:

— Когда васъ, милостивый государь, гдѣ-нибудь бранять, вы почаще вспоминайте насъ, грѣшныхъ: насъ, какъ въ бурсѣ, критики драли за малѣйшую провинность. Мнѣ одинъ критикъ пророчилъ, что я умру подъ заборомъ: я представлялся ему молодымъ человекомъ, выгнаннымъ изъ гимназіи за пьянство.

Злымъ Чехова я никогда не видалъ; но и раздражался онъ рѣдко, а если и раздражался, то изумительно умѣлъ владѣть собой. Помню, напримѣръ, какъ онъ однажды былъ взволнованъ характеристикой его таланта въ одной книгѣ, гдѣ говорилось о «равнодушіи» Чехова къ вопросамъ нравственности и общественности

и о его мнимомъ пессимизмѣ. И, однако, его волненіе сказалось только въ двухъ, сурово и задумчиво сказанныхъ, словахъ:

— **Форменный идиотъ!**

Но и холоднымъ я его не видалъ. Холоденъ онъ бывалъ, по его словамъ, только за работой, къ которой онъ приступалъ всегда уже послѣ того, какъ мысль и образы его будущаго произведенія становились ему совершенно ясны, и которую онъ исполнялъ почти всегда безъ перерывовъ, неукоснительно доводя до конца.

— Садиться писать нужно тогда, когда чувствуешь себя холоднымъ, какъ ледь,—сказалъ онъ однажды.

Но, конечно, это была совсѣмъ особая холодность... Ибо много ли среди русскихъ писателей найдется такихъ, у которыхъ душевная чуткость и сила восприимчивости были бы сложнѣе, больше Чеховскихъ?

Чтобы эта сложная и глубокая душа стала ясна, нужно, чтобы какой-нибудь очень большой и очень разносторонній человѣкъ написалъ книгу жизни и творчества этого «несравненнаго», по выраженію Толстого, художника. Я же всей душой свидѣтельствую пока одно: это былъ человѣкъ рѣдкаго душевнаго благородства: воспитанности и изящества въ самомъ лучшемъ значеніи этихъ словъ, мягкости и деликатности при необыкновенной искренности и простотѣ, чуткости и нѣжности при рѣдкой правдивости.

Быть правдивымъ и естественнымъ, оставаясь въ то же время плѣнительнымъ,—это значитъ быть необыкновенной по красотѣ, цѣльности и силѣ натурой. И такъ часто говорилъ я здѣсь о спокойствіи Чехова именно потому, что его спокойствіе кажется мнѣ свидѣтельствующимъ о рѣдкой силѣ его природы. Оно, я думаю, не покидала его даже въ дни самаго яркаго расцвѣта его жизнерадостности, и, можетъ быть, именно оно дало ему въ молодости возможность не склониться ни передъ чьимъ вліяніемъ и начать работать такъ безпритязательно и въ то же время такъ

смѣло, «безъ всякихъ контрактовъ съ своей совѣстью» и съ такимъ неподражаемымъ мастерствомъ.

Помните слова стараго профессора въ «Скучной исторіи»?

«Я не скажу, чтобы французскія книжки были и умны, и талантливы, и благородны; но онѣ не такъ скучны, какъ русскія, и въ нихъ не рѣдкость найти главный элементъ творчества—чувство личной свободы...»

И вотъ этимъ-то чувствомъ личной свободы и отличается Чеховъ, не терпѣвшій, чтобы и другихъ лишали ея, и становившійся даже рѣзкимъ и прямолинейнымъ когда видѣлъ, что на нее посягали.

Какъ извѣстно, эта «свобода» не прошла ему даромъ; но Чеховъ былъ не изъ тѣхъ, у которыхъ двѣ души: одна для себя, другая—для публики. Успѣхъ, который онъ имѣлъ, очень долго, до смѣшного, не соответствовалъ его заслугамъ... Но сдѣлалъ ли онъ за всю жизнь хоть малѣйшее усиліе для того, чтобы увеличить свою популярность? Онъ буквально съ болью и отвращеніемъ смотрѣлъ на всѣ тѣ пріемы, какіе нерѣдко пускаются теперь въ ходъ для пріобрѣтенія успѣха.

— А вы все думаете, что они—писатели! Они—извозчики!—говорилъ онъ съ горечью.

И его нежеланіе выставлать себя на видъ доходило порой до крайностей.

«Публикуетъ «Скорпіонъ» о своей книгѣ неряшливо,—писалъ онъ мнѣ послѣ выхода первой книги «Сѣверныхъ Цвѣтовъ». — Выставляетъ меня первымъ, и я, прочитавъ это объявленіе въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», далъ себѣ клятву больше уже никогда не вѣдаться ни со скорпіонами, ни съ крокодилами, ни съ ужами».

Это было зимою 1900 г., когда Чеховъ, заинтересовавшись кое-какими черточками въ дѣятельности только-что организованнаго тогда книгоиздательства «Скорпіонъ», далъ, по моему настоянію, въ альманахъ этого книгоиздательства одинъ изъ своихъ юношескихъ

разказовъ: «Въ морѣ». Впослѣдствіи онъ не разъ раскаивался въ этомъ.

— Нѣтъ, все это новое московское искусство — вздоръ,—говорилъ онъ.—Помню, въ Таганрогѣ я видѣлъ вывѣску: «Заведеніе *искусственныхъ* минеральныхъ водъ». Вотъ и это тоже самое.

А его сдержанность проистекала изъ аристократизма его духа и изъ его неустаннаго стремленія быть точнымъ въ каждомъ своемъ словѣ. Придетъ время, когда поймутъ какъ слѣдуетъ и то, что это былъ не только «несравненный» художникъ, не только изумительный мастеръ слова, но и несравненный человѣкъ. Только когда придетъ оно? Еще не скоро разгадаютъ во всей полнотѣ его тонкую и цѣломудренную поэзію, его силу и нѣжность.

«Здравствуйте, милый Иванъ Алексѣевичъ!—писалъ онъ мнѣ въ Ниццу.—Съ Новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ! Письмо Ваше получилъ, спасибо. У насъ въ Москвѣ все благополучно и скучно, новаго (кромѣ новаго года) ничего нѣтъ и не предвидится, пьеса моя еще не шла, и когда пойдетъ—неизвѣстно... Очень возможно, что въ февралѣ и я приѣду въ Ниццу... Поклонитесь отъ меня милому теплому солнцу, тихому морю. Живите въ свое полное удовольствіе, утѣшайтесь, не думайте о болѣзняхъ и пишите почаще Вашимъ друзьямъ... Будьте здоровы, веселы, счастливы и не забывайте бурныхъ сѣверныхъ компатріотовъ, страдающихъ несвареніемъ и дурнымъ расположеніемъ духа. Цѣлую Васъ и обнимаю. Вашъ А. Чеховъ. (8 янв. 1904 г.).

«Поклонитесь отъ меня милому теплому солнцу, тихому морю...» Такія слова я слышалъ отъ него рѣдко. Очень часто я скорѣе чувствовалъ, что онъ долженъ произнести ихъ, и это были минуты, въ которыя мнѣ было очень, очень больно.

Помню одну ночь ранней весной. Было уже поздно; вдругъ меня зовутъ къ телефону. Подхожу и слышу басъ Чехова:

— Миллсдарь, возьмите хорошаго извозчика и заѣзжайте за мной. Поѣдемте кататься.

— Кататься? ночью?—удивился я.—Что съ вами, Антонъ Павловичъ?

— Влюбленъ.

— Это хорошо, но уже десятый часъ... И потомъ—вы можете простудиться...

— Молодой человекъ, не разсуждайте-съ!

Черезъ десять минутъ я былъ уже въ Ауткѣ. Въ домѣ, гдѣ зимою Чеховъ жилъ только съ матерью, была, какъ всегда, мертвая тишина и темнота,—только изъ комнаты Евгеніи Яковлевны пробивался сквозь дверную щель свѣтъ, да тускло горѣли двѣ свѣчечки въ кабинетѣ, теряясь въ полумракѣ. И, какъ всегда, у меня сжалось сердце при видѣ этого тихаго кабинета, гдѣ для Чехова протекало столько одинокихъ зимнихъ вечеровъ полныхъ, можетъ быть, горькихъ думъ о судьбѣ, такъ одарившей его и такъ посмѣявшейся надъ нимъ.

— Какая ночь!—сказалъ онъ мнѣ съ необычной даже для него мягкостью и какой-то грустной радостью, встрѣчая меня на порогѣ кабинета.—А дома—такая скука! Только и радости, что затрептить телефонъ, да Софья Павловна спросить, что я дѣлаю, а я отвѣчу: мышей ловлю. Поѣдемте, въ Орианду. Простужусь—наплевать!

Ночь была теплая, тихая, съ яснымъ мѣсяцемъ, съ лекими бѣлыми облаками, съ рѣдкими лучистыми звѣздами въ голубомъ, глубокомъ небѣ. Экипажъ мягко катился по бѣлому шоссе, и, обвѣянные тишиною ночи, мы молчали, глядя на блестящую тусклымъ золотомъ равнину моря... А потомъ пошелъ лѣсъ съ легкими узорами тѣней, похожими на паутину, но уже по весеннему нѣжный, красивый и задумчивый... Потомъ зачернѣли толпы гигантовъ-кипарисовъ, величаво вознесившихся къ лучистымъ звѣздамъ. И когда мы оставили экипажъ и тихо пошли подъ ними, мимо голубовато-блѣдныхъ въ лунномъ свѣтѣ развалинъ дворца, Чеховъ внезапно сказалъ мнѣ:

— Знаете, сколько лѣтъ еще будутъ читать меня? Семь.

— Почему семь? — спросилъ я.

— Ну, семь съ половиной.

— Нѣтъ, — сказалъ я. — Поэзія живетъ долго и чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе... какъ вино...

Онъ ничего не отвѣтилъ, но когда мы сѣли гдѣ-то на скамью, съ которой снова открылся видъ на блестящее въ мѣсячномъ свѣтѣ море, онъ скинулъ пенснэ и, поглядѣвъ на меня добрыми и усталыми глазами, сказалъ:

— Поэтами, милостивый государь, считаются только тѣ, которые употребляютъ такія слова, какъ «серебристая даль», «аккордъ» или «на бой, на бой, въ борьбу со тьмой!»

— Вы грустны сегодня, Антонъ Павловичъ, — сказалъ я, глядя на его простое, доброе и прекрасное лицо, слегка блѣдное отъ луннаго свѣта.

Опустивъ глаза, онъ задумчиво копалъ концомъ палки мелкіе камешки, но когда я сказалъ, что онъ грустенъ, онъ шутливо покосился на меня.

— Это вы грустны, — отвѣтилъ онъ. — И грустны оттого, что потратились на извозчика.

А потомъ серьезно прибавилъ:

— Читать же меня будутъ все-таки только семь лѣтъ, а жить мнѣ осталось и того меньше: шесть. Не говорите только объ этомъ одесскимъ репортерамъ...

На этотъ разъ, онъ ошибся: онъ прожилъ меньше...

Умеръ онъ спокойно, безъ страданій, среди тишины и красоты лѣтняго разсвѣта, который такъ любилъ всегда. И когда умеръ, «выраженіе счастья появилось на его сразу помолодѣвшемъ лицѣ...» Вспоминаются слова Л. де Лиля:

Moi, je t'envie, au fond du tombeau calme et noir.
D'être atfranchi de vivre et de ne plus savoir
La honte de penser et l'horreur d'être un homme!